

специфічну художню якість, притаманну творам цього виду мистецтва, виділяючи найважливіші її дефініції. Таким чином підкреслюється органічність її природи.

Засобами передачі дієвої театральної реальності в словесну виступають мовні елементи, які організовані в систему тропів. Первісним тропом, своєрідною «молекулою художності» є порівняння. Воно викликає певні почуттєво-оцінні асоціації і часто присутнє в інформаційних журналістських жанрах (часописи «Український театр», «Кіно-театр»).

У сучасній театральній журналістиці України відчувається брак матеріалів аналітично-художніх жанрових модифікацій. Майже відсутній театральний фейлетон (за винятком окремих публікацій О. Варгеліса, І. Чужиної). Недостатність фахової підготовки, концептуальності мислення авторів призводить до непопулярності такого художнього жанру журналістики, як нарис.

Доцільно розвивати в журналістській театральній дійсності жанр кореспонденції та аналітичної статті, наповнюючи їх проблемним підходом, рівнем загальної ерудиції, концептуальністю мислення. У цьому плані уявляється актуальною синергія театральної критики та журналістики. Ці мистецькі медії як уособлення художньо-естетичної практики постмодерну сприятимуть формуванню духовності у комунікативному просторі нашого глобалізованого суспільства.

Громов Валерий Евгеньевич

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Государственного ВУЗ
«Национальный горный университет»*

ДОПУСТИМА ЛИ СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В ОБЩЕСТВЕ, ПРОВОЗГЛАШАЮЩЕМ ПРИНЦИПЫ ДЕМОКРАТИИ И ГУМАННОСТИ?

Сейчас смертная казнь в большинстве демократических стран отменена или на неё наложен мораторий. Идеологи отмены смертной казни утверждают, что она не совместима с принципами гуманности. Закон справедливости, который требует соответствия наказания преступлению, должен уступить принципу гуманности и искать для убийц другие санкции, например, осуждение на пожизненное заключение с правом на помилование или пересмотр приговора после отбытия определённого срока.

Поскольку в обществе вопрос о смертной казни активно дискутируется и в отношении допустимости высшей меры наказания нет единодушия, его необходимо исследовать и именно философски, воздерживаясь от отсылки к эмпирической реальности, поскольку, если бы мы принимали её в расчёт то, человек, пожалуй, предстал бы перед нами, прежде всего, как насильник, агрессор и истребитель всего живого.

Мы видим, что в ходе истории общества и его культурного роста варварский характер проявления злонамеренности людей неодолимо понижается. Даже если скептически полагать, что зло просто приобретает более благообразные формы, исторический опыт вражды и естественное желание безопасности показывает, что люди, так или иначе, стремятся к вытеснению жестокости и убийства из своей жизни.

Вражда и мщение никогда не оформлялись в господствующие всемирно-исторические идеологии. Мировые религии, например, в лице их основателей и выдающихся учителей никогда не учили насилию как высшему принципу, а светская идеология, связанная с практикой властвования и благом социального порядка, рассматривает насилие лишь как некое неизбежное зло, достойное сожаления.

Можно ли разглядеть источник гуманности в самой сущности человека, которую мы, люди, развивая и присваивая себе в истории культуры, склоняемся к вытеснению насилия из личной и общественной жизни? На наш взгляд такое основание есть. Оно представлено укоренённой в человеке свободой, его социальностью и тем, что мы называем «метафизическим долженствованием».

Становление человека как свободного существа в родовом смысле означает, что он из глубины своего перманентного сущностного основания осуществляется как соискатель ненасилия, гармонии, социальной солидарности, которые несовместимы с любыми оковами.

Стремление к гуманности задаётся ему и «метафизической обязанностью», поскольку интенцию к свободе сам он в моменте своего возникновения не создаёт, - она ему просто дана. Поэтому за свободу он отвечает не только перед собой, но и перед Дарителем. У человека есть некое устойчивое долженствование по отношению Создателю просто по сущности, ещё до того, как он вступает в существование со своими собственными целями.

Сущностный фактор, осознаваемый как проявление высшей мудрости, побуждающий человека к гуманности ради её собственной моральной ценности, проявился уже в конфуцианстве, даосизме, индуизме, буддизме, а затем с особой силой в христианстве и в светских идеологиях.

Итак, как будто выходит, что с накоплением потенциала гуманности в культуре и осуждения жестокости насилие как способ решения проблем должно уйти в прошлое, а смертная казнь отменена, ибо они противны

человеческому достоинству. Убивать нельзя. Это абсолютное моральное требование.

Однако этот императив является только принципом, который нужно уметь применить на практике, где он постоянно нарушается в преступлениях и корректируется в наказаниях.

Гуманность как стремление людей поступать в соответствии с духом этики милосердия не может быть основой несправедливости. Подлинная гуманность – это санкция, взывающая к духу Высшей справедливости.

Однако возникает ситуация, когда в Высшей справедливости будто бы нечто убавляется и в милосердии и в справедливости, поскольку милосердие в простоте своего принципа тяготеет к прощению, а справедливость к неотвратимости наказания.

Тем не менее, нужна именно Высшая справедливость, поскольку в преступнике виновным является не только отдельный индивид, но и весь человеческий род. Родовая вина смягчает виновность индивида, поскольку общество не приобрело ещё должной нравственности, индивидуальная вина взывает к осуждению, ибо преступник, нарушая законы, становится фактором социальной опасности.

Чтобы Высшая справедливость была достигнута без потерь в милосердии и в справедливости необходимо, чтобы в реальной нравственности осуществилась заповедь – «не убий», вопреки возможности убийства. Тогда гуманность перестаёт быть милостью суда или верховного правителя, она становится категорическим императивом всего общества. В нём невозможно мотивированное убийство и здесь не могут осуждать на смерть.

Для общества монолитная нравственность не достижима. Гуманность, поделённая на справедливость, становятся сложной проблемой выбора меры пресечения. Максима абсолютной морали предписывает индивиду как человеку запрет на убийство. Злодей, нарушая это тотальное повеление в обществе, где отменена смертная казнь, узурпирует право на убийство, обрекая социум на жертвоприношение. Суд сохраняет убийце жизнь из-за недопустимости убийства для человека, однако преступник, для которого такого запрета нет, перестаёт быть и человеком. Избрав убийство, преступник избрал смерть и для себя в качестве злодея. По логике отношения к убийству и его совершению убийца должен быть уничтожен, ибо он сам выносит себе смертный приговор.

Однако судьям вменена гуманность и недопустимость смертной казни. Поэтому на их долю и остаётся жертвоприношение во имя милосердия. Многие в обществе не согласны с оставлением жизни для злонамеренных убийц и маньяков, но они не участвуют в вынесении приговоров. Души мертвецов взывают к справедливости, а передовые юристы настаивают на гуманности в той уверенности, что у них есть преимущество человечности.

Однако в этой гуманности что-то не так. Неужели она достигается только в проигрыше справедливости, а Высшая справедливость обретается лишь в уступке милосердия в пользу свободы для злодеяния. Проиграв в справедливости, гуманность и для себя и в глазах всех на свете хочет снискать себе непоколебимое моральное превосходство.

Однако гуманность, которая проигрывает в справедливости - иллюзия, обман мягкосердия. Действительная, а не кажущаяся Высшая справедливость такова, что она ничего не теряет ни в гуманности, ни в справедливости. Но как это возможно в противоречии тенденций милосердия и наказания?

Рассматривая их на уровне диалектической спекуляции, нужно видеть не только противоречие, но и дополнительность, единство, тождество. Требуется осознание того, что наказание, наряду с моментом внешнего противоречия милосердию, в справедливой мере пресечения является и гуманностью. И не только по отношению к безутешным жертвам, но и преступникам. В осуждённом наказывается злодей, преступивший человеческую меру. Но в принадлежности к человеческому роду, он получает и сострадание как жертва нравственного падения в несовершенном человечестве.

Более того, смертная казнь как трагический акт искупления возвращает убийце утраченное достоинство человека, которое он потерял при жизни, но снова обрёл в справедливой расплате. Социум, отторгнув его как злодея, снова принимает его в себя как несчастного человека. Теперь о его трагической судьбе можно сожалеть.

Общество, где не искоренены причины, для тяжких преступлений, не отменяя смертную казнь, жертвует и собой, беря на себя не лёгкое нравственное бремя исполнения приговоров. Ставя под сомнение собственную невинность, оно мужественно допускает наказание, которое отрицается на уровне всеобщего категорического императива. Преступность в её самых злодейских формах и смертная казнь являются нравственным испытанием для всех. Страдают не только жертвы, а потом их избличённые насильники, но и всё общество. У всех есть своя доля в расплате за нарушение морального законодательства.